

А.С. Янушкевич

**ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРСКОГО ТЕКСТА
В.А. ЖУКОВСКОГО:
ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО**

В статье рассматриваются культуртрегерские установки В.А. Жуковского, определившие его место в идеологической жизни Российской империи первой половины XIX в. Личностная рефлексия, «расширение души», этическая и историческая ответственность, будучи постоянным свойством его творчества и поведения, нашли эволюционирующую реализацию в гражданской поэзии 1810-х гг., в педагогической деятельности при дворе, в письмах к царственным особам, в публицистике 1840-х гг.

Ключевые слова: Жуковский, поэзия, письма, дневник, публицистика, имперский текст, идеология, культуртрегерство.

Особенности русской общественно-политической жизни, связанные прежде всего с отсутствием многих демократических институтов и экономико-юридических структур, определили своеобразие русской словесной культуры и особое место поэта в культурной и общественной жизни России. «Поэт в России больше, чем поэт» — эти слова Евгения Евтушенко, произнесенные в 1960-е гг., имели свою историю и онтологический подтекст. Достаточно бросить самый беглый взгляд на такие параллели, как Петр I и Ломоносов, Екатерина II и Державин, Александр I и Карамзин, чтобы почувствовать органическую связь власти и поэта, политики и литературы. Достаточно обратить взор на такие документы русской словесной культуры, как «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Как обустроить Россию» Солженицына, чтобы понять глубинные подтексты этой связи, мессианские установки русских поэтов. В этом отношении имперский текст русской словесной культуры и общественно-философской мысли — понятие эволюционное и полисемантическое. И, разумеется, ментальное, поскольку философия «русской идеи» вызревала в течение нескольких веков и обретала собственную оригинальную филиацию смыслов.

Попытаемся с этой точки зрения всмотреться в творчество «литературного Коломба Руси, открывшего ей Америку романтизма в поэзии» [1. С. 469], гения перевода, учителя и наставника Пушки-

на, идеолога николаевского царствования, воспитателя царя-освободителя Александра II, автора философии «Святой Руси», «единственного кандидата в святые от литературы нашей» [2. С. 338] – В.А. Жуковского. Он поистине репрезентант имперского текста русской культуры, ибо вся его поэтическая, педагогическая и общественная деятельность, его религиозные искания, почти 25-летняя жизнь при царском дворе и диалог с властью обозначили семиосферу этого понятия.

Поэтическая трилогия молодого Жуковского: «Песнь барда над гробом славян-победителей» (1806), «Певец во стане русских воинов» (1812) и «Певец в Кремле» (1814–1816) – обозначила новый взгляд на проблему гражданской поэзии. На смену торжественной оде как ораторскому жанру пришла персоналистская лирика элегического настроения. В центре всех текстов оказывается уже не событие, не царственная особа, а голос поэта, выразителя и носителя национального сознания. История войны с Наполеоном – от зарубежных походов русской армии, событий Отечественной войны 1812 г. до вхождения русских войск в Париж – воссоздана как песнь возвышения и распространения души человека в контексте истории. Позднее Жуковский отчеканит это в поэтической формуле: «При мысли великой, что я человек, // Всегда возвышаюсь душою» («Теон и Эсхин» [3. С. 383]). В своей поэтической трилогии он выразит чувства «патриотической экзальтации», где хор воинов или народа сливается с голосом певца. Стремление передать эти эмоции в форме музыкальной кантаты превращало трилогию в своеобразную «героическую симфонию». Изданные отдельными брошюрами, песни молодого поэта воспринимались как национальные гимны и стали прологом к созданию государственного российского гимна на слова Жуковского.

Послание «Императору Александру», созданное в эпицентре этой трилогии, со всей отчетливостью обозначило не только поэтическое, но и идеологическое новаторство его автора. И тут лучше Пушкина ничего не скажешь: «Вот как русский поэт говорит русскому царю» (Письмо к А.А. Бестужеву, май – июнь 1825 г. [4. С. 79]). В этой пушкинской оценке важно акцентировать, пожалуй, одно слово: *говорит*. Установка на диалог с властью, процесс самоопределения поэта как выразителя национального сознания, проявляется именно в его голосе, манере говорить. Это остро почувство-

вал друг Жуковского Александр Тургенев, который в одном из своих писем поэту отмечал:

Девизом для всей твоей пиесы можно взять твои же два стиха:
О дивный век, когда певец Царя – не льстец!
Когда хвала – восторг, глас лиры – глас народа [5. Л. 49].

В письме к самому императору от сентября 1816 г., написанному по просьбе Тургенева и имевшему важные последствия в судьбе поэта, это выражено со всей определенностью:

Смею думать, всемилостивый Государь, что писатель, уважающий свое звание, есть так же полезный слуга, как и воин, его защищающий, как и судья, блюститель закона [6. С. 162–163].

1817 год стал водоразделом в судьбе Жуковского. Почти 25-летняя служба при дворе, сначала учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, а затем наставником великого князя Александра Николаевича, будущего российского императора Александра II, «царя-освободителя». В этой атмосфере Жуковский формировал тот текст русской культуры, который можно определить как жизнетворческий. «Жизнь и Поэзия одно» – так сам поэт с афористической точностью закрепил это определение в одном из программных своих стихотворений «Я музу юную, бывало...» [7. С. 235]. Свою службу он рассматривал как миссию. Именно поэтому в его жизнетворческом поведенческом тексте были неразделимы поэзия, педагогика, публицистика, историософские и религиозные искания. Идеология базировалась на основе культуртрегерства.

Сам этот текст многосоставный. Эгодокументы, определяющие его полисемантику и концептосферу, включают в себя письма к царственным особам, травелоги, дневник, публицистику и, конечно же, поэзию.

Мне уже приходилось специально писать о месте и значении писем Жуковского к царственным особам [8. С. 45–76]. Это беспрецедентный случай в истории русской общественной мысли. На протяжении 35 лет Жуковский создал более 300 писем к императорам Александру I и Николаю I, императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне, великому князю цесаревичу Александру Николаевичу, великим князьям Константину Николаевичу и Михаилу Николаевичу, великой княжне Марии Николаевне. Различные по объему, назначению, содержанию и даже стилю, они в своей совокупности вобрали в себя важнейшие события русской и европейской

истории от наполеоновских войн, декабристского восстания 14 декабря 1825 г. до революции 1848 г. в Германии. В орбите этого диалога не только исторические события, но и важнейшие факты развития культуры (история журнала «Европеец», борьба с Булгариным, формирование эрмитажной коллекции живописи), судьбы ее замечательных деятелей от Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Гоголя. Герцена до Карла Брюллова и Александра Иванова. Наконец, принципиально важно, что письма Жуковского к царственным особам – это его поведенческий текст, так как в них он не только анализирует события и рассказывает о происходящем, но и выступает в защиту гонимых, униженных, несправедливо обвиненных. И в этом смысле он был поистине ангелом-хранителем русской культуры, «рыцарем на поле нравственности и словесности» [9. С. 325]. Его письмо о гибели Пушкина, адресованное шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу, но обращенное к власти вообще, не только и не столько реабилитация русского гения, сколько защита свободы мысли и слова в России. Говоря об особой цензуре свыше и постоянной слежке за Пушкиным, Жуковский не может скрыть своих эмоций:

А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения, в каждом стихах его, напечатанных не им, а издателем альманаха с дозволения цензуры, было видно возмущение [10. С. 625].

Жуковский поистине предъявляет счет власти, превратившей жизнь поэта в надзор, и косвенно обвиняет ее в гибели национального гения. Письма Жуковского к царственным особам – это зеркало мудрости. Не случайно выпуск специальных изданий поэта («Собиратель», «Муравейник») был ориентирован на традицию немецкой просветительской мысли, философию «политической педагогики». Журнал Энгеля «*Fürstenspiegel*», тщательно проштудированный и давший материал для переводов, был для него образцом.

Но письма к царственным особам, прежде всего к великой княгине Александре Федоровне и великой княжне Марии Николаевне, превращавшиеся с их согласия в публикации на страницах популярных русских изданий («Полярная звезда», «Московский телеграф», «Современник»), были не только «травелогами возвышения души», ярчайшим образцом которого стало эссе «Рафаэлева мадонна»

(с подзаголовком «Из письма о Дрезденской галерее»), но и генетической основой философии «всемирной отзывчивости». «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывки из письма о Швейцарии», «Отрывок из письма о Саксонии», «Очерки Швеции» открывали уже не только царственным особам, но и вообще русскому читателю и «туманную Германию», из которой русские привозили «учености плоды», «вольнолюбивые мечты», еще загадочный для России мир ее романтизма, и традицию швейцарской демократии и великой педагогической мысли первой европейской республики.

Одновременно Жуковский последовательно и настойчиво прорубал свое окно в Европу. В 1818 г. он как бы в педагогических целях издает четыре выпуска своего авторского альманаха «*Für wenige. Для немногих*», где en regard представляет русскому читателю лучшие образцы немецкой поэзии и предлагает свою интерпретацию их. Стихотворения Шиллера, Гете, Гебеля становятся зримым воплощением «диалога культур». Баллады Жуковского сделали этот жанр европейской поэтической культуры родным для русской словесности, почти фольклорным – каким он и был генетически в словесности западноевропейской. Происходит своеобразная приватизация европейской, античной, восточной (индийской, персидской) культур. Как скажет Александр Кушнер, «культурная работа по пересадке на русскую почву западной поэзии была настоящим подвигом. За двадцать лет мы получили то, на что должно было бы уйти лет двести» [11. С. 198].

Письма к царственным особам обладали огромным историософским потенциалом. В них учитель и наставник постоянно говорил о пользе истории для государей. Многие из этих писем переходили на страницы периодических изданий и органично соединяли имперский текст с общенациональным, общественным. Так последовательно формировалась не просто идеология, а именно культуртрегерство Жуковского. Всматриваясь в идеологию имперского, колониального текста, он лишает его ортодоксальности и метафизики.

В этом отношении дневник Жуковского приоткрывает и комментирует то, что он думал, но не мог сказать царственным особам. И это была не крамола, а позиция честного человека. Вот один лишь, но достаточно красноречивый пример. В мае – июне 1829 г. в составе свиты великого князя Жуковский приезжает в Варшаву, где должна была состояться коронация императора Николая I в качестве конституционного короля Польши. Контакты с деятелями польской

культуры, прежде всего с Юлианом Немцевичем и Адамом Мицкевичем, позволили ему эти официальные события сделать частью культурного диалога. В марте 1829 г. Мицкевич, находясь в Москве, составляет для Жуковского специальную «Заметку» с характеристикой деятелей польской литературы и общественной мысли, которая позволила русскому поэту войти в круг «варшавского либерализма» во время его пребывания в Варшаве.

По предложению Юлиана Немцевича он был избран членом Варшавского общества друзей наук, и польский поэт посвятил ему стихотворное послание, которое в переводе на русский звучит так:

Добродетелей и Наук почитатели, даже разделенные тысячами миль, всегда друзья, всегда земляки. Ты в блеске своей славы, я на склоне последних дней. Пишем, пока длится жизнь, для блага братских народов [12. С. 22].

В этом же году Жуковский переводит отрывок из поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» о народном предании и публикует его в «Собирателе». События ноября 1830 г. – 26 августа 1831 г., связанные с польским бунтом и его подавлением, вызвали к жизни два его стихотворения «Старая песня на новый лад» (или «На взятие Варшавы») и «Русская слава», которые, будучи опубликованы вместе с пушкинскими стихотворениями «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», стали выражением антипольских настроений и философии имперского духа. Казалось бы, Жуковский воплотил в них дух колониального сознания. Но дневниковая запись от 21 февраля 1831 г. раскрывает сложность позиции поэта. Вот ее общая концепция:

Получено известие о победе, стоившей дорого. Клич: взята, Варшава трепещет, войска поляков расстроены, скоро Польша будет раздавлена славой России. Минута решительная, которой нужно воспользоваться с величием, выгодною для настоящего и совершенною безопасностью для будущего. Три вида развязки представляют с первого взгляда. Или Польша не существует и обращена в губернию Русской империи, или Польша существует по-прежнему и Русский самодержавный Государь есть конституционный царь Польши, или Польша существует отдельно от России. На первое дает нам право победа и сила; но, уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы распространим границы свои, это правда, но приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими. Надлежит власт-

воват притеснительно, дабы утвердить за собою области, не нужные для России; сие новое распространение усилит подозрительность Европы, видящей в России страшилище, грозящее ей рабством и варварством и предполагающей в ней замыслы честолюбия и всемирного владычества, тогда как сила ее заключается в образовании внутреннем. Наконец, самое уничтожение народа, сколь бы ни оправдано оно было успехом войны, есть нечто печальное и варварское, не приличное понятиям нашего времени и особенно не соответствующее твердому и высокому характеру Государя... [13. С. 315].

Не имея возможности полностью воспроизвести дневниковую запись Жуковского и дать развернутый комментарий к ней, констатируем два момента: постоянное обращение поэта к проблемам «внутреннего образования» России и стремление преодолеть догматику в осмыслении колониального, имперского текста. В истории духовного и творческого развития Жуковского 1827–1837 гг. – особый период. Поездка с братьями Тургеневыми в Париж и встречи с представителями французского либерализма, прежде всего Франсуа Гизо, работа над «Запиской о Н.И. Тургеневе», польские события и создание государственного гимна России, письмо к Бенкендорфу о гибели Пушкина и путешествие с наследником по России, проект амнистии декабристов – все это вносило существенные коррективы в идеологические построения и философию имперского текста. Официальная концепция, сформулированная в уваровской триаде «Самодержавие, православие, народность», получившая название «теория официальной народности», вряд ли могла пройти мимо внимания Жуковского, но не получила его непосредственного отклика. Охлаждение отношений с другом юности и арзамасцем, с 1833 г. министром народного просвещения С.С. Уваровым, возможно, произошедшее не без влияния Пушкина, – свидетельство неоднозначного отношения Жуковского к официальной имперской доктрине. Прежде всего, Жуковский не принимает ее догматики, поскольку каждая идеологема, составляющая триаду, осмысляется им как историческое понятие. Подтверждение тому – записи в дневнике, относящиеся именно к этому времени:

Бывают смутные времена в истории. <...> Народ возмущается; и всегда бывают беспокойные люди, которые доводят его до крайностей. Но настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство. Будь оно благоразумно, пекись оно с пря-

модушием о благе народном, и в народе не будет расположения к возмущению, и никакой возмутитель не подумает волновать его, ибо он не будет надеяться на успех своего замысла, напротив, будет бояться привязанности народа к правителю. Где правитель любит народное благо, там народ любит власть правителя. Там власть есть благо [13. С. 302].

Проклятый едкий русский ум. Злой ум рабов, в которых никто не может внести развития.

Переменить слова в лексиконе нельзя, а уничтожить законное право можно; кто огласит эти противоречия.

Нам нужно достоинство национальное, чем более Государь будет возбуждать его, тем более будет развиваться любовь к Государю. Иначе она угаснет, а с нею ослабнет и сила самодержавия, а с силою самодержавия исчезнет и сила России [14. С. 9].

Власть царей происходит от Бога, а самовластие царей происходит от чërта [14. С. 12].

Народ, не имеющий литературы, – это ребенок, еще не научившийся говорить. <...> Для нас не было ни классической литературы, ни собственно народной: первой лишила нас греческая вера и татары; последняя почти вся погибла; теперь начинают добираться до народности, но и это подражание. <...> Вопрос: какою должна быть судьба России, если взять в рассуждение ее историю, ее политическую жизнь и характер ее народа? [14. С. 14].

Власть: свобода действовать произвольно и управлять чужими действиями.

Право: свобода действовать, утвержденная законом, без нарушения чужой законной свободы. Владение, определенное законом естественным и положительным [14. С. 30].

Философия и религия не только не исключают одна другую, но необходимы вместе. <...> Религия лежит на вере; философия вводит разумом принятое верою в жизнь [14. С. 37–38].

Наш народ составлен из множества зверей, сидящих каждый отдельно на цепи в клетке. Каждый сидит про себя и не заботится о своем товарище; они в одном балагане и кажутся одним обществом, но все порознь, и кажется готовы даже рвать своего товарища; спустить их всех с цепи, они разорвут и хозяина и перегрызут друг друга [14. С. 41].

Эти и многие другие дневниковые рассуждения Жуковского, нередко носящие характер афоризмов, не вписываются в рамки официальной идеологии. В контексте этих «мыслей и замечаний» Жуковский активно творит мир национальной культуры. Его «сказочное

соревнование» с Пушкиным в 1831 г., вызвавшее к жизни такие шедевры русской стихотворной сказки, как «Сказка о царе Берендее», «Спящая красавица», выход в свет двухтомного собрания «Баллад и повестей», явившегося продолжением и развитием идей «всемирной отзывчивости» и одновременно, вместе с «Повестями Белкина» Пушкина и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Гоголя, открывающими мир народности русской литературы, активное участие в создании первой национальной оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки, поистине героические усилия по сохранению и изданию пушкинского наследия, поддержка римской колонии русских художников, а затем формирование Эрмитажной коллекции живописи – все это та культуртрегерская деятельность Жуковского, без которой невозможно понять его место в истории русской словесной культуры и общественной мысли.

От идей «всечеловеческой отзывчивости» к философии «всемирной отзывчивости», от калокагативной концепции «возвышения души» к «феноменологии духа» – на этом пути духовного и творческого развития Жуковский никогда не забывал, что «слова поэта есть дела его».

Завершив свою педагогическую деятельность после женитьбы и отъезда в Германию, Жуковский переносит уроки политической педагогики на русское общество. Его публицистика 1840-х гг. – оригинальный эксперимент по созданию национальной идеи на основе опыта современной европейской жизни. Очевидец революционных событий в Германии, близкий друг и защитник известного политического деятеля, сторонника объединения Германии Йозефа Радовица, корреспондент прусского короля Фридриха Вильгельма IV, Жуковский в цикле своих статей, многие из которых были опубликованы на страницах русской и немецкой периодики, очертил круг острых вопросов, касающихся современного мироустройства и судьбы России. Его письма-статьи «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 года», «Письмо русского из Франкфурта», «Письмо к кн. Вяземскому по поводу стихотворения “Святая Русь”», «Самоотвержение власти», «Энтузиазм и энтузиасты», «Письма к Н.В. Гоголю (“О смерти” и “О молитве”）」, «Что будет?», «Иосиф Радовиц», «Две сцены из Фауста», «О внутренней христианской жизни», «О меланхолии в жизни и в поэзии», «Энтузиазм и энтузиасты», «Русская и английская политика», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» были обращены не к конкретным лицам, хо-

тя нередко они вырастали из частных писем, и имя адресата присутствовало в печатном тексте. Подобно гоголевским «Выбранным местам из переписки с друзьями» они обрели статус публицистики, так как их читателем была вся мыслящая Россия [15. С. 254–275; 16. С. 139–148]¹.

События революции 1848 г., очевидцем и жертвой которых стал Жуковский, позволили ему как сквозь увеличительное стекло увидеть проблему «Россия и Запад». Носитель идей «всемирной отзывчивости», много сделавший как переводчик для пропаганды мировой культуры, он не мог превратиться в славянофила. Трезвое осознание последствий европейской цивилизации и злоупотребления демократическими реформами, приводящими к анархии и пролетаризации общества и как следствие – к революции, не сделали его западником. В отличие от идеологов официальной народности он рассматривал самодержавие и православие как развивающееся явление и предостерегал от их апологетики.

Одним из первых в русской общественной мысли Жуковский обратил особое внимание на опасность исключения из понятия «народ» высшего и среднего класса, следования доктрине новейшей философии: *la propriété c'est le vol* (собственность – кража). «Толпа пролетариев, которым нужно иметь *чужое*, дабы иметь что-нибудь *свое*» – так Жуковский формулирует новую социальную реалию современной истории, ведущую к разрушению не только порядка, но и нравственных основ государственного бытия [18. С. 539]. Эта опасность пролетаризации общества обостряет в рассуждениях Жуковского проблему крепостного права в России. «У нас еще нет пролетариев – пишет он, – есть *искусственные* пролетарии; но правительство, которое само произвело их, может легко их уничтожить» [18. 545]. Очевидно, что «искусственные пролетарии» в лексиконе автора письма – это крепостные крестьяне, рекруты, оторванные от земли, и Жуковский акцентирует роль правительства в этом процессе пролетаризации русского общества. Показательно, что именно в 1848 г. Николай I образует Комитет по выкупу крепостных крестьян, но все-таки не решается на радикальные меры по их освобождению. Голос Жуковского не был услышан нынешним правительством, но он не мог не проникнуть в сознание наследника престола.

¹ Не имея возможности подробно говорить о восприятии этих статей и дискуссиях, порожденных ими в России, отсылаю читателей к комментариям в XI томе Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского [17. С. 621–988].

В своих эпистолярных трактатах Жуковский выступает как серьезный аналитик происходящих событий, но главный пафос его разговора с великими князьями и современниками – утверждение самобытного пути России. Не идеализируя российскую историю, подчеркивая «наше неразвитие», т.е. отсутствие «всеобъемлющей образованности», Жуковский говорит о необходимости сохранения «основных начал» для достижения как истинной образованности, так и благоденствия. «Для нее, – пишет он в заключение своего послания к наследнику от 4 (16) июня 1848 г., – к тому два средства: с одной стороны, *развитие церкви*, с другой – *развитие самодержавия*» [18. С. 557].

Мнение о консерватизме Жуковского-историка и публициста стало общим местом. Но это был своеобразный консерватизм, можно даже сказать, революционный. Опираясь на европейский опыт революций, он формировал образ Святой Руси, православной и самодержавной, но настойчиво подчеркивал *развитие* как церкви, так и самодержавия. Это развитие включало столь необходимые реформы, связанные с образованием общества, отменой крепостного права, амнистией декабристов, освобождением от религиозной догматики. И то, что эти свои идеи он развивал в письмах к будущим реформаторам – великим князьям Александру Николаевичу и Константину Николаевичу, заслуживает самого пристального внимания и исследования. Но не менее важно и то, что с ведома царственных особ фрагменты этих эпистолярных посланий становились достоянием русской читающей публики. Так произошло со статьей «Письмо Русского из Франкфурта». Она является выпиской из письма Жуковского великому князю Александру Николаевичу от 17 (29) февраля 1848 г. Как удалось установить А.И. Рейтблату, этот текст был прислан в III отделение от великого князя с указанием поместить в газете «Северная пчела» [19. С. 551]. Уже в самом начале революционных событий Жуковский остро поставил проблему особого, своего пути развития России, и великий князь почувствовал важность и своевременность этого разговора. «Русский из Франкфурта» писал:

<...> мы будем ни Азия, ни Европа, мы будем Россия, самобытная, могучая Россия, не бот, прицепленный к кораблю Европейскому, а крепкий Русский корабль первого ранга, отдельно от других, под своим флагом плывущий путем своим [20. С. 226].

Хотя статья была напечатана анонимно, но для друзей Жуковского и просто проницательных читателей вряд ли стоило труда определить ее автора: подсказка содержалась уже в заглавии: русский поэт в это время жил именно во Франкфурте, о чем было хорошо известно не только его близкому окружению.

Важно подчеркнуть, что художественные открытия Жуковского как политического публициста и религиозного мыслителя неразрывно связаны с идеями и формами времени. Поздняя публицистика Жуковского находится в контексте идеологической борьбы западников и славянофилов в России и революционных событий 1840-х гг. в Европе. Как и его современники, он формирует в общественном сознании характерные особенности «русской идеи», пафосом которой станет мысль о том, «как обустроить Россию». Вслед за «Философическими письмами» Чаадаева, в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, религиозных идей Хомякова, полемики о путях развития России, он своим переводом «Одиссеи», публикациями статей о «происшествиях 1848 года» и замыслом книги прозы активно включается в этот процесс.

Имперский текст Жуковского невозможно рассматривать узко и односторонне как некое собрание высказываний на общественно-политическую тему, раскрывающих его суждения о самодержавии и политике императора Николая I. Для него как великого русского поэта важно было сделать его органической частью мировой культуры. Беспрецедентная переводческая деятельность способствовала не просто диалогу культур, но и усвоению русским сознанием идей «всемирной отзывчивости». Воспитание наследника русского престола рассматривалось им не только как служба при дворе, но и как высокая миссия сотворения просвещенной монархии и внедрения идей либерализма.

Завершая свою статью «О поэте и современном его значении», Жуковский цитирует стихи из собственной драматической поэмы «Камознс», вводя тем самым рассуждения о поэте не только в мир эстетический, но и в мир социальный. Кто есть поэт, хорошо известно, но мысль о «современном значении» поэта именно в России подчеркивает неразрывную связь эстетики русского романтика с нравственной нормой и идеалом социального устройства общества; таким образом, поэзия становится неотъемлемой составляющей идеологического конструктора Жуковского, основанного на тезисе «развития самодержавия и православия»:

Поэзия религии небесной
Сестра земная, светлоручезарный
Маяк, самым создателем зажженный,
Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились
С пути. Поэт, на пламени его
Свой факел зажига! <...>
Таков удел
Всего, всего прекрасного земного!..
Но не умрет живая песнь твоя:
Во всех веках и поколениях будут
Ей отвечать возвышенные души...
Поэт, будь тверд! душою не дремли!
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли [21. С. 382–383].

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 7. С. 469.
2. *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Терра, 1993. Т. 3. С. 338.
3. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999. Т. 1. С. 383.
4. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13. С. 79.
5. *РО ИРЛИ.* Ф. 309. № 4713-а.
6. *Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу.* М.: Изд. «Русского архива», 1895. С. 162–163.
7. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 2. С. 235.
8. *Янушкевич А.С.* Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский: Исследования и материалы: сб. науч. тр. Томск, 2013. Вып. 2. С. 45–76.
9. *Батюшков К.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 325.
10. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 625.
11. *Кушнер А.* Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л.: Сов. писатель, 1991. С. 198.
12. *Ланда С.С.* Ю.У. Немцевич и В.А. Жуковский // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 22.
13. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. С. 315.
14. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. С. 9.
15. *Гузаиров Т.* Русский за границей (Жуковский: 1841–1849) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 254–275.
16. *Долгушин Д.В.* «Весь этот том будет проза...»: (К истории неосуществленного замысла сборника религиозно-философской прозы В.А. Жуковского) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, № 8. С. 139–148.

17. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С., Ветшева Н.Ж., Березкина С.В., Киселев В.С., Жиликова Э.М., Гузаиров Т.Т., Айзикова И.А., Поплавская И.А., Долгушин Д.В., Николнова Н.Е. Примечания // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2016. Т. 11 (1-й полумом). С. 621–988.

18. Жуковский В.А. Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., СПб., 1885. Т. 6. С. 539.

19. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 551.

20. Северная пчела. 1848. № 57. 12 марта. С. 226.

21. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 12. С. 382–383.

FEATURES OF V.A. ZHUKOVSKY'S IMPERIAL TEXT: IDEOLOGY AND CULTURAL ENLIGHTENMENT

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 77–92. DOI: 10.17223/24099554/7/5

Aleksandr S. Yanushkevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: asyanush50@yandex.ru

Keywords: Zhukovsky, poetry, letters, diary, journalism, imperial text, ideology, cultural enlightenment.

V.A. Zhukovsky is an exemplary representative of the imperial text of Russian culture. All his poetic, pedagogical and social activities, almost a 25-year life at the royal court and dialogue with the authorities marked the semiosphere of this concept. The poetic trilogy of young Zhukovsky ("The Song of the Bard over the Coffin of the Slavic Winners" (1806), "The Singer in the Camp of the Russian Warriors" (1812) and "The Singer in the Kremlin" (1814–1816)) marked a new view on the problem of civic poetry. His epistle "To Emperor Alexander" (1814) marked the orientation to a dialogue with the authorities, the self-determination of the poet as the spokesman of the national consciousness.

In 1817, Zhukovsky's service at the court began; he regarded it as a culture triggering mission. More than 300 letters to the royal people contain the most important events of Russian and European history from the Napoleonic wars, the Decembrist uprising on 14 December 1825 to the revolution of 1848 in Germany. They are also a behavioural gesture, a word in defence of the persecuted, the humiliated, the unjustly accused. In these letters, the teacher and mentor constantly spoke about the usefulness of history for rulers. Many of these letters were published in periodicals, and organically combined the imperial text with the national one.

Having completed his pedagogical activities after his marriage and departure to Germany, Zhukovsky gives lessons of political pedagogy to Russian society. His journalism in the 1840s is an original experiment to create a national idea based on the experience of modern European life. The bearer of the ideas of "world-wide responsiveness", who did a lot as a translator for the propaganda of the world culture, Zhukovsky could not turn into a Slavophile. A sober realisation of the consequences of European civilization and of the abuse of democratic reforms leading to anarchy and proletarianisation of society and, as a consequence, to the revolution did not make him a Westerner. Unlike the ideologists of the official nationality, he viewed autocracy and Orthodoxy as a developing phenomenon and warned against their apologetics.

References

1. Belinskiy, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
2. Zaytsev, B.K. (1993) *Sobranie sochineniy: V 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Terra.
3. Zhukovskiy, V.A. (1999) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Pushkin, A.S. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t.* [Complete Works: in 17 vols]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. Fund 309. Unit 4713-a. (In Russian).
6. Russian Archive. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenyevu* [Letters of V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Izdanie "Russkogo arkhiva".
7. Zhukovskiy, V.A. (2000) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Yanushkevich, A.S. (2013) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli* [Letters of V.A. Zhukovsky to the royal people as a phenomenon of Russian verbal culture and social thought]. In: *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy. Sbornik nauchnykh trudov* [Zhukovsky: Studies and materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.
9. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya: V 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Zhukovskiy, V.A. (1960) *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: GIKhL.
11. Kushner, A. (1991) *Apollon v snegu: Zametki na polyakh* [Apollo in the snow: Notes on the fields]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
12. Landa, S.S. (1962) Yu.U. Nemtsevich i V.A. Zhukovskiy [Yu.U. Nemtsevich and V.A. Zhukovsky]. In: *Pushkin i ego vremya. Issledovaniya i materialy* [Pushkin and his time. Research and materials]. Vol. 1. Leningrad: State Hermitage.
13. Zhukovskiy, V.A. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Guzairov, T. (2004) *Russkiy za granitsey (Zhukovskiy: 1841–1849)* [A Russian abroad (Zhukovsky: 1841–1849)]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin readings in Tartu]. Vol. 3. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 254–275.
16. Dolgushin, D.V. (2011) "Ves' etot tom budet proza..." (K istorii neosushchestvlennoy zamysla sbornika religiozno-filosofskoy prozy V.A. Zhukovskogo) ["This whole volume will be prose . . ." (To the history of the unrealised design of the collection of religious and philosophical prose of V.A. Zhukovsky)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology.* 10:8. pp. 139–148.

17. Lebedeva, O.B. et al. (2016) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11 (Part 1). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

18. Zhukovskiy, V.A. (1885) *Sochineniya: V 6 t.* [Works: in 6 vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.

19. Reytblat, A.I. (ed.) (1998) *Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otделение* [Vidok Figlyarin: Letters and agent notes of F.V. Bulgarin to the III Department]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

20. *Severnaya pchela.* (1848). 57. 12 March. pp. 226.

21. Zhukovskiy, V.A. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.